

Т. В. Литвинчук, асп.
Институт филологии КНУ имени Тараса Шевченко, г. Киев

**ЛОКУС ДОМА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЛЬВОВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА "АПТЕКАРЬ" ЮРИЯ ВИННИЧУКА)**

Посвящена изучению локуса дома в средневековом Львове на материале романа Ю. Винничука "Аптекарь". Определены доминантные черты культурно-исторической и локальной идентификации локуса дома, способы его визуализации и нарративные приемы, использование которых обеспечивает композиционное единство произведения.

Ключевые слова: *локус дома, средневековый город, Львов, роман "Аптекарь", Ю. Винничук.*

T. V. Litvynchuk, Postgraduate Student
Taras Shevchenko National University of Kyiv

**THE LOCUS "HOUSE" IN MEDIEVAL LVIV CITY
(BASED ON THE NOVEL "PHARMACIST" BY Y. VYNNYCHUK)**

This article is focused on studying of the locus "house" in medieval Lviv city, based on the novel "Pharmacist" by Y. Vynnychuk. In the article, we defined the main lines of cultural, historical and local identification of the locus "house" as well as the methods of its visualization and narrative methods whereby the compositional unity of the writing is provided.

Keywords: *locus "house", medieval city, Lviv, novel "Pharmacist", Y. Vynnychuk.*

УДК 821.161.1-343 Д. Хармс

А. Львович, студ.
Институт филологии КНУ имени Тараса Шевченко, г. Киев

**МИФОПОЭТИКА
ПОВЕСТИ ДАНИИЛА ХАРМСА "СТАРУХА"**

Проведён анализ мифопоэтических компонентов повести Даниила Хармса "Старуха" на базе нарративных конструкторов и интертекстуального рисунка.

Ключевые слова: *Даниил Хармс, мифопоэтика, нарратив, интертекст.*

"...У него было ощущение жизни как чуда, и не случайно у него много рассказов о чуде. Очень характерен рассказ о человеке, который мог творить чудеса, но за всю свою жизнь не сотворил ни одного чуда – ему достаточно было сознания, что он может творить чудеса. Чудо, понимание жизни как чуда, при-

чем абсолютно бескорыстного чуда – чуда как чуда – одна из главных тем, определяющих не только творчество, но и жизнь Хармса, их тесную связь, неотделимость его творчества от жизни. Хармс не был чудотворцем и не мог творить чудеса. И в этой невозможности творить чудеса обнаружилось величайшее чудо – чудо жизни, точнее – чудо жизни-творчества...".

Яков Друскин

Цель статьи – выявить элементы мифопоэтического подтекста повести "Старуха".

Задачи исследования:

- выявить компоненты комплекса мифов в "Старухе";
- соотнести компоненты мифов с индивидуальной поэтикой и эстетическими установками творчества Даниила Хармса;
- утвердить или опровергнуть наличие упорядоченной мифопоэтической модели повести "Старуха".

Объект исследования – повесть Даниила Хармса "Старуха".

Предмет – элементы мифологических систем, реализованные в повести Даниила Хармса.

Одним из мотивов творчества Даниила Хармса является попытка вырваться за пределы комплексов мифологических установок. В "Старухе" реализован ряд мифологических мотивов, каждый из которых последовательно отрицается, деформируется посредством диалога, реализованного на нескольких уровнях текста. К этим мотивам относятся: петербургский текст; апокалиптическая тематика; гамсуновский вторичный миф; антропоморфизм (через символику часов); акт рождения как акт смерти; двойное рождение; загробный мир; хтонические существа; вечное возвращение [2; 4; 8; 11; 12].

Диалогичность как метод постулируется эпиграфом из текста К. Гамсуна, который задаёт первый уровень нарративной структуры [7, с. 10] текста.

Комплекс нарраторов первого уровня соотносим с нарратором "Пиковой дамы" А. Пушкина (диалог эпиграфов: *"А в ненастные дни // Собирались они // Часто; // Гнули – бог их прости! – // От пятидесяти // На сто, // И выигрывали, // И отписывали // Мелом. // Так, в ненастные дни, // Занимались они // Делом"*). Осложнение: влияние символистских текстов (в частности,

"Симфоний" Андрея Белого), поэтика группы ОБЭРИУ и другие интертекстуальные эксперименты [1].

Отождествление Старухи со Смертью восходит к уравниванию знака и имени, что свидетельствует о нерасчленимости образа на составляющие [3]. Стремление Д. Хармса к деформации отдельных элементов комплекса мифов находит выход через смерть Смерти и восприятие нарратором этого факта (разрыв цикла). Процесс восприятия и взаимодействия представлен присутствием вариантов разрыва мифологической цикличности: несколькими нарративными уровнями текста.

Нарратор второго уровня – Я-Часовщик, который первый сталкивается с часами без стрелок. Этот субъект вступает в повествование периодически, меняясь с нарратором третьего уровня – Я-Чудотворцом.

Третий уровень соотносён с мотивом творца-демиурга, постигающего бессмертие теоретически, не имея визуального представления о несуществующем времени. Творец, в отличие от часовщика, может творить чудеса.

Переход между первым и вторым уровнями осуществляется посредством рефлексии нарратора-2, переходящей в рефлексию нарратора-3: пограничное состояние. Это разделение канвы текста объясняет резкие смены темы и характер размышлений субъекта. Н-2: *"Тут я вспоминаю, что забыл дома выключить электрическую печку. Мне очень досадно. Я поворачиваюсь и иду домой. Так хорошо начался день, и вот уже первая неудача. Мне не следовало выходить на улицу"*. Через несколько предложений – Н-3: *"С улицы слышен противный крик мальчишек. Я лежу и выдумываю им казни. Больше всего мне нравится напустить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. Родители растаскивают их по домам. Они лежат в своих кроватях и не могут даже есть, потому что у них не открываются рты. Их питают искусственно. Через неделю столбняк проходит, но дети так слабы, что ещё целый месяц должны пролежать в постелях. Потом они начинают постепенно выздоравливать, но я напускаю на них второй столбняк, и они все околевают"*. Н-2 находится в состоянии принципиальной невозможности вырваться за пределы визуального мира, мира, которым правит Старуха с часами без стрелок; Н-3 способен управлять своей

судьбой и судьбами других людей, постигая законы течения времени, не имеющего исчисления. Эти два коррелята находятся в постоянной конфронтации, в борьбе за контролирование хода повествования в рамках наррации первого уровня.

Каждый нарратор является воплощением нескольких типов творца [5]. Н-2: извлечение объектов из себя (заводит себя ключом, как часы), добывание объектов (ключ открывает дверь, ключ является основанием для начала беседы), перемещение объекта из одного места в другое (перемещение Старухи осуществляется именно Часовщиком). Н-3: порождение из ничего (через словесную номинацию: творец=писатель), физическое порождение объектов (грезит во сне), элементы мира как результат труда демиурга (мир как текст), спонтанное или магическое превращение одних предметов в другие (превращение людей в часы) [5].

Способами перехода от Н-2 к Н-3 и обратно являются:

А) внешний фактор как предмет рефлексии (*"противный крик мальчишек"*);

Б) сон (*"мне хочется спать, но я спать не буду", "я закрываю глаза и дремлю", "Господи! Чего только не приснится во сне!"*);

В) смена дня и ночи: лейтмотив (*"солнце прячется за трубу противостоящего дома. Тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо"*);

Г) намеренная или случайная встреча с другим персонажем (с милой дамочкой, с Сакердоном Михайловичем, с Марьей Васильевной).

Каждый из способов – вариант диалога, восходящего к интертекстуальной канве повести. Диалог в "Старухе" представлен как в эксплицитном, так и в имплицитном вариантах. Результат каждого диалога – деформация первичного или вторичного мифа, с которым нарратор вступает во взаимодействие. При помощи системы зеркальных элементов снимаются возможные символистские коннотации (диалог с милой дамочкой), при помощи вставной новеллы о покойнике и роженице десакрализируется миф об акте рождения как акте смерти, при помощи открытого расщепления нарративной структуры на два полюса (эксплицитный диалог с сознанием) разрушается автоинтертекстуальные мифы Н-2 и Н-3 о мёртвых и живых покойниках.

Варианты поведения персонажа и Старухи обуславливаются сменой уровня наррации. Старуха становится главным объектом применения возможностей нарраторов, компонентом, при помощи которого можно определить уровень текста, на котором происходит действие. Таких уровней два – уровень Часовщика и уровень Чудотворца.

Часовщик "заводит" любой компонент текста (дверь, разговор, другого персонажа, чемодан), чтобы разорвать цикличность через повторяемое автоматизированное действие. Этот вариант соответствует исходным данным появления Н-2: визуальное ощущение времени (Часовщик видит Старуху, видит часы, способен их завести, пытается разорвать миф через "перезапуск" времени). На этом уровне наррации цикл разрывается посредством смерти Старухи; в контакте с Н-2 Смерть остаётся мёртвой всегда. К мифу этого уровня относятся фрагменты текста, в которых Старуха остаётся неподвижной.

При переходе на третий уровень наррации Старуха оживает, поскольку руководит этим пластом текста Н-3: Чудотворец, способный творить чудеса. Н-3 пытается разорвать цикличность мифа посредством чуда, воплощённого алогизма, к которому относится, к примеру, постоянная замена человека часами: *"Я наклоняю голову, чтобы лучше рассмотреть, есть ли у меня руки, и вижу, что с одной стороны у меня вместо руки торчит столовый ножик, а с другой стороны – вилка", "Руки Сакердон Михайлович заложил за спину, и их не было видно. А из-под задравшегося халата торчали голые костлявые ноги, обутые в русские сапоги с отрезанными голенищами"*. На нарративном уровне Н-3 мёртвая Старуха способна оживать, ползти, терять челюсть – превращаться из "покойника" в "беспокойника".

Два варианта решения проблемы зависимости текста от мифологического пространства вступают между собой в конфронтацию не только через постоянную смену нарраторов, но и через их диалог (т.е. существование двух нарраторов одновременно). Исходная ситуация: *"Старуха медленно ползла ко мне на четвереньках"* (Смерть оживает (переход наррации) посредством вторжения персонажа извне – Старики (=Время)). Нарраторы вступают в диалог:

"– Стоп! – сказал я своим собственным мыслям. – Вы говорите чушь. Покойники неподвижны" – Часовщик, Н-2.

"– Хорошо, – сказали мне мои собственные мысли, – войди тогда в свою комнату, где находится, как ты говоришь, неподвижный покойник" – Чудотворец, Н-3.

"И войду! – сказал я решительно своим собственным мыслям" – Часовщик, Н-2.

"Попробуй! – насмешливо сказали мне мои собственные мысли" – Чудотворец, Н-3.

"Эта насмешливость окончательно взбесила меня. Я схватил крокетный молоток и кинулся к двери.

"– Подожди! – закричали мне мои собственные мысли (Чудотворец, Н-3). Но я уже повернул ключ ("завёл" часы, запустил механизм) и распахнул дверь (Часовщик, Н-2)".

В этом фрагменте ведущим в разговоре является Часовщик, поскольку перед исходной ситуацией прошла смена наррации с Н-3 на Н-2 (провоцирует персонаж извне – Марья Васильевна), т.е. события происходят в пространстве текста Часовщика. Проблема цикличности решается характерным для этого уровня методом: поворотом ключа. Диалог, внезапное наложение одного нарративного уровня на другой, создаёт феномен одновременного существования нескольких нарраторов в тексте.

Ещё один пример эксплицитного диалога, который осложнён функцией центрального элемента зеркального текста – разговор с Сакердоном Михайловичем (С.М.). Фигура С.М. вмещает интертекст хтонических существ, загробного мира (С.М. восходит к покойному Н. Олейникову – вариант диалога в загробном мире), мифа о воскрешении (еда как вариант поддержания жизни в мёртвом теле), охранительной магии жрецов (разговор нарраторов с С.М.), бесконечности. Диалог становится попыткой повторной сакрализации десакрализованного ранее текста – незауалированным созданием вторичного мифа. Сигналом к началу сакрализации служит прямой вопрос: *"Вы веруете в Бога?"*, сигналом к окончанию: *"спросить: веруете ли вы в бессмертие? – звучит как-то глупо"*. Соотнесение внешности и позы С.М. в конце фрагмента с часами и жрецом отсылают к новому уровню интертекстуальной мифологии. Зеркальная роль фрагмента реализована за счёт сцены с покупкой хлеба, где инвариантом С.М. становится милая дамочка, и распитием хлебного кваса, где инвариант – Старуха.

Расчленение текста на нарративные уровни реализовано в финале повести. *"Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь"* – последняя фраза Н-2, зависящего от времени Часовщика-Мастера. *"На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянута"* – фраза соотносима с Н-3, для которого вся история Старухи – не более чем дело рук его, ещё один уровень элементов мифа. Рамка систем наррации первого уровня также закрыта пространством самого текста.

Выводы:

1. Комплекс элементов мифа в "Старухе" задан несколькими уровнями текста. Первый – уровень первичной мифологии (миф о творении, миф о времени, миф о хтонических существах, апокалиптический миф, миф о бесконечности, миф о воскрешении). Второй уровень – вторичные мифы, которые заданы множеством интертекстов, к которым относятся вторичный миф Гамсуна, вторичный миф Введенского, вторичный миф Хлебникова. Уровни могут переходить один в другой, присутствовать одновременно в одном и том же элементе текста, дополнять друг друга. При этом ни один из элементов уровней не представлен в полной мере – приведены лишь фрагменты мифа, которые не означают цельность воспроизведения определённой мифопоэтической системы.

2. Поэтика и эстетические установки автора корректируют комплекс элементов нескольких уровней мифопоэтики, создавая миф вторичного уровня. Основанный на десакрализации фрагментов мифопоэтических систем, индивидуальный миф не получает цельности в единичном примере "Старухи", распадаясь на несколько вариантов – за счёт нескольких нарративных уровней: Часовщика и Чудотворца. Каждый из субъектов решает вопрос трансформации по-своему. Часовщик достигает цели через непосредственное взаимодействие со временем, изменение хода его исчисления путём деформации механизма: ломает часы без стрелок. Миф Часовщика разорван смертью Смерти. Чудотворец деформирует миф вмешательством в структуру вещей, изменением объектов текстовой реальности: превращением объектов в часы без стрелок. Миф Чудотворца разорван воскрешением Смерти.

3. Ещё один фактор отсутствия единства вторичного мифа Даниила Хармса – отсутствие взаимопонимания между нарраторами. Это реализовано посредством эксплицитных диалогов с сознанием – полноправным элементом текста, хтоническим существом (С.М.), вариантами отражения хтонического существа (милой дамочкой). Сцепление диалогов через внешние факторы, сон, введение новых персонажей, лейтмотивы создают модель фрагментарного текста. Фрагментами становятся вставные новеллы, диалоги, элементы уровня анекдотичности и уровня протокола (соотнесение с фабулой и сюжетом). Старуха выступает способом выявления нового уровня не только на уровне наррации, но и на уровне фрагментов повествования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Жаккар Ж.-К.* Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Перовской Ф.А. – СПб., 1995.
2. *Кобринский А.* Повесть Даниила Хармса "Старуха": финальный центон // С.И. Тимина. Русская литература XX века: школы, направления, методы творческой работы. – М.: Логос, 2002.
3. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – Имя – Культура // Ю.М. Лотман. Избранные статьи. – Т.1. – Таллинн, 1992.
4. *Масленкова Н.А.* Пространственно-временная организация повести Д. Хармса "Старуха" // Вестн. Самар. гос. ун-та, 1999. – № 3.
5. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа // Исследования по фольклору и мифологии Востока. – М.: Наука, 1976.
6. *Пушкин А.С.* Пиковая дама. Романы и повести / Александр Сергеевич Пушкин : предисл. Н.О. Лернера; коммент. В.Д. Рака. – Харьков: Книжный Клуб "Клуб Семейного Досуга", 2013.
7. *Тамарченко Н.Д.* Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия для студентов филологических факультетов / Автор-составитель Н.Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 1999.
8. *Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. М.К. Рыклина. – М.: Политиздат, 1980.
9. *Хармс Д.* Старуха // Даниил Хармс. Случаи и Вещи. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.
10. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. *Элиаде Мирча* Миф о вечном возвращении. – СПб.: "Алетейя", 1998.
12. *Ямпольский М.Б.* Беспмятство как исток (Читая Хармса). – М.: Новое Литературное Обозрение (Научное приложение), 1998.

Стаття надійшла до редколегії 12.04.16

А. Львович, студ.
Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка, м. Київ

МІФОПОЕТИКА В ПОВІСТІ ДАНИЛА ХАРМСА "СТАРУХА"

Наведений аналіз міфопоетичних компонентів повісті Данила Хармса "Старуха" на базі нарративних конструктивів та інтертекстуальної множини.

Ключові слова: Данило Хармс, міфопоетика, нарратив, інтертекст.

A. Lvovich, Student
Taras Shevchenko National University of Kyiv

MYTHOLOGY SYSTEM IN THE STORY "SRARUCHA" BY DANYYL HARMS

The article presents an analysis of the mythopoetics' elements of the story "Starucha" by Danyyl Harms, based on the narrative constructions and intertextual sets.

Key words: Danyyl Harms, mythopoetic, narrative, intertext.

УДК 821.161.2.09:327.58-054.72(=161.2)

А. А. Любаренко, здобувач
Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка, м. Київ

ТВОРЧИСТЬ ОЛЕКСИ ІЗАРСЬКОГО В КРИТИЧНІЙ РЕЦЕПЦІЇ

Здійснено огляд літературно-критичних праць еміграційних і "материкових" дослідників, присвячених творчості О. Ізарського. Проаналізовано інтерпретацію художньої спадщини письменника, відзначено амбівалентність реценції.

Ключові слова: еміграція, інтерпретація творчості, критика, реценція.

У сучасному науковому дискурсі виникає необхідність заповнити інформаційний вакуум, який утворився навколо художньої спадщини О. Ізарського. Цьому можуть посприяти відомі на сьогодні статті, рецензії, передмови та післямови дотворів письменника, занотовані в його щоденниках відгуки критиків і "колег по цеху".

В еміграційному середовищі О. Ізарський відомий як автор серії восьми книг про життя української родини Лисенків (повісті "Ранок", "Віктор і Ляля", "Чудо в Мисловицях", "Саксонська зима", романи "Київ", "Літо над озером", "Полтава", "Столиця над Ізаром"). На батьківщині ж про нього знають переважно